

УДК 111.1

Ивакин А. А.

заведующий кафедрой философии

Национального университета «Одесская юридическая академия»,

доктор философских наук, профессор

К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ

Начну, однако, не с критики, а наоборот, – с подчеркивания важности и продуктивности гегелевской диалектики. Прежде всего, отмечу, что высказанные в литературе упреки в адрес Г.В.Ф. Гегеля о противоречивости его *метода и его системы* являются надуманными. Эта надуманность основывается на «урезанном» восприятии диалектики как учения о развитии, причем о развитии, понимаемом весьма абстрактно: вечный процесс возникновения нового, в котором нет «ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого <...> кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» [11, с. 276].

Г.В.Ф. Гегель как раз постоянно указывал на то, что «бесконечный прогресс вообще принадлежит чуждой понятия рефлексии; абсолютный метод, который имеет своей душой и своим содержанием понятие, не может привести к такому прогрессу» [3, с. 305].

Я думаю, что внимательные читатели гегелевских философских трудов согласятся со мной в том, что гегелевская система Бытия одновременно является и самотождественной, и саморазвивающейся. Отсюда следует, что и гегелевский диалектический метод является методом, исследующим и процесс изменения Бытия, и устойчивость (то есть именно «раз и навсегда установленное», «безусловное») в нем.

О правоте сказанного свидетельствует хотя бы следующий часто и разными философами цитируемый фрагмент «Науки логики»: «В силу указанной выше природы метода наука представляется замкнутым в себя *кругом*, в начало которого – в простое основание – вплетается путем опосредствования [его] конец; причем круг этот есть *круг кругов*, ибо каждый отдельный член как одухотворенный методом есть рефлексия-в-себя, которая, возвращаясь в начало,

в то же время есть началом нового члена. Звенья этой цепи – суть отдельные науки, из коих каждая имеет нечто *до* себя и нечто *после* себя, или, говоря точнее, *имеет* только то, что ей *предшествует*, и в самом своем заключении *показывает* свое *последующее*» [3, с. 308–309].

Читая и перечитывая этот фрагмент, я вижу, что в нем «просвечивает» единство природного и социального эволюционного процесса (потенциально бесконечной реальности) и «Мира Идей» (актуально бесконечной реальности).

Вглядимся в эти «круги кругов». Что такое имеет в виду Г.В.Ф. Гегель, рисуя нам «звенья» универсальной «цепи», которые «суть отдельные науки, из коих каждая имеет нечто до себя и нечто *после* себя, или, говоря точнее, *имеет* только то, что ей *предшествует*, и в самом своем заключении *показывает* свое *последующее*»? Разве эти «отдельные науки» – всего лишь разделы науки о духе, а не механика, физика, химия, биология, социология, имеющие своим предметом вполне реальные «звенья» эволюции – круг литосферы, круг биосферы и круг социосферы, связанные между собой тем, что им предшествует, и тем, что из них и за ними с неизбежностью возникает?

Я хочу сказать следующее. За логической *формой* философии Г.В.Ф. Гегеля, точно так же, как и за Логосом Гераклита, если нам, современным философам, внимательно всматриваться и вдумываться в них, можно увидеть вполне реальное и обоснованное фактами и обобщениями современной науки и практики новое, обогащенное *содержание* того, что мы называем объективной диалектикой. Иначе говоря, то, что великие философы (и речь, конечно, идет не только о Гераклите и Г.В.Ф. Гегеле) в свое время интуитивно уловили в качестве объективно существующей универсальной матрицы логики бытия (своеобразной логистики Логоса), позволяет следу-

ющим поколениям философов на основе Всеобщего, зафиксированного этими великими предшественниками, обнаруживать то или иное Особенное, которое способно конкретизировать и надстраивать заложенный ими онтологический фундамент.

Перейдем теперь к моему критическому отношению к тем определениям, которые Г.В.Ф. Гегель дает диалектике, а также к рассудку и разуму. В этом аспекте статья является своеобразным дополнением и разъяснением тех претензий к великому диалектику, которые уже были высказаны мною ранее [4; 5].

Прежде всего, отмечу ряд моментов, свидетельствующих о том, что Г.В.Ф. Гегель был непоследовательным, а зачастую и несправедливым в своем отношении к рассудку.

Цитирую Г.В.Ф. Гегеля: *«Закон тождества гласит: «Все тождественно с собой, $A=A$ »; в отрицательной форме: « A не может в одно и то же время быть A и не- A ». Вместо того чтобы быть истинным законом мышления, это предложение есть не что иное, как закон абстрактного рассудка»* [4, с. 270].

Однако возникает вопрос о том, как следует относиться к этому «закону абстрактного рассудка», когда выясняется, что поскольку «в своей истине разум есть *дух*, который выше их *обоих*» (выше как рассудка, так и «отрицательного разума», то есть скептицизма – *А. И.*), постольку «он рассудочный разум или разумный рассудок» [2, с. 78].

Иначе говоря, речь идет о той стадии развития логического, когда рассудительность становится неотъемлемым моментом положительного разума. Надо ли полагать, что в этом-то своем, впитанном в разум, состоянии рассудок уже теряет свою абстрактность? Однако если это действительно так, то должны ли мы «закон абстрактного рассудка» просто взять и отбросить, поскольку он становится чуждым приобретшему конкретность рассудку? Или же закон тождества при этом все же остаётся, но тоже каким-то образом видоизменяется и становится уже «истинным законом мышления»?

Постараюсь ответить на поставленный мною же вопрос. Несомненно, настоящий мыслитель-диалектик должен пользоваться «разумным рассудком» как необходи-

мым элементом подлинной и полной, а не усеченной диалектики, в том числе чтобы не впадать в софистику, он должен продолжать соблюдать закон тождества. При этом формулу «все тождественно с собой, $A=A$ » применять совершенно необходимо, причем применять очень точно, особенно в ее отрицательной форме « A не может в одно и то же время быть A и не- A ».

Поясняю на примерах. Зададим вопрос любителям поднадоевшей уже многим «мудрости». Так во что нельзя войти дважды: в одну и ту же реку или в одну и ту же воду одной и той же реки? Ответ очевиден: конечно, в одну и ту же воду. Река тысячелетиями может оставаться той самой, даже меняя свое русло, даже меняя количество и качество переносимой ею воды. То же самое можно сказать буквально о чем угодно, а точнее – о чем угодно развивающемся. Например, о феномене отражения: оно остаётся самым собой (тем же самым, то есть отражением) и у камня, и у растения, и у человека. То же самое можно сказать и об информации: информация не может в одно и то же время быть A (информацией) и не- A (не-информацией). И это невзирая на то, какую именно информацию мы имеем в виду: информацию пчелы или информацию человека.

При этом нужно подчеркнуть, что «тем же самым» во всех этих и других случаях остается не качество, а сущность. Сущность реки, сущность отражения, сущность информации и так далее – все это, внешне изменяясь в историческом процессе, внутренне сохраняет свою «ту-же-самость». Именно благодаря этой, присущей всему на свете, замечательной способности сохранения себя в потоке изменений мы имеем научные понятия, а главное – философские категории, являющиеся отражением в нашем мышлении непреложных и вечных форм вечно остающегося самим собой Бытия. Разница здесь лишь в продолжительности сохранения, пребывания того или иного развивающегося предмета.

Так что в какой бы форме ни существовал рассудок (в абстрактной или же конкретной), все равно закон тождества остается важнейшим его законом. Разница лишь в том, что в первом случае тождество понимается с позиций формальной логики,

а во втором – с позиций логики содержательной.

Рассудок надо любить и уважать. К сожалению, я это понял очень поздно. «Всё собирающий и всё сохраняющий Рассудок» – такое теперь я даю ему определение. И в таком позднем своем прозрении я не могу не упрекнуть и Г.В.Ф. Гегеля: слишком уж категорично в своей схеме структуры логического приписывает он рассудку (и только ему одному) абстрактность. Но разве он один страдает этим свойством? Разве не страдает абстрактностью та форма мышления, которую Г.В.Ф. Гегель назвал негативным разумом (как будто разум вообще может быть негативным!), а главное – назвал этот «негативный разум» разумом диалектическим, что, я считаю, просто оскорбительно для подлинной диалектики. Ведь разве не абстрактны все эти скептики-«диалектики»? Ужас как абстрактны! Э. Гуссерль вообще относит «скептические философии» к «нефилософиям», к неживым философиям [6, с. 31].

Куда как лучше назвать рассудок хранителем Покоя, Вечности, Устойчивости Бытия и присущего ему Мышления. Тогда и скептицизм мы перестанем ругать и назовем его проповедником вечного движения, изменения, вечного обновления. Рассудок и скептицизм ущербны лишь тогда, когда абсолютизируются, разрастаются до невозможности и пытаются при этом обойтись друг без друга.

А вот умело соединив друг с другом рассудок и скептицизм – эти два потока с такой, казалось бы, разной водой в каждом из них, мы обязательно получим адекватное изображение нашего такого таинственного и в то же время такого понятного Мира, вечно пребывающего самим собою в вечном своем беспокойстве и обновлении.

Г.В.Ф. Гегель восторгается «изумительнейшей и величайшей, лучше сказать, абсолютной мощи» рассудка в его деятельности разложения сложного на составные части [5, с. 17]. Мне же представляется, что он недооценивает другую, противоположную и тоже «абсолютную мощь» рассудка, обретающего её, конечно, только в составе разума. Я имею в виду его функцию собирания воедино того, что скрывается под внешней оболочкой неисчислимого многообразия

форм вечного становления всего сущего. И это развитое состояние рассудка я, пользуясь терминологией Г.В.Ф. Гегеля, и назвал бы его «подлинной определенностью».

Итак, к сожалению, Г.В.Ф. Гегель излишне расширил сферу уже-присутствия диалектического метода, приняв укоренившееся в поздней Античности и в Средневековье мнение о том, что диалектика имеется уже там, где в мышлении задействовано хоть какое-то противоречие. Однако, не уважая и даже презирая софистику, Г.В.Ф. Гегель здесь сам же в неё и впадает. Подобно тому, как человек у неких античных спорщиков вдруг оказывается тождественным оципанному петуху (оба не имеют перьевого покрова, но зато имеют две ноги и зычный голос), так и Г.В.Ф. Гегель дает повод считать диалектикой, извините, что попало, и даже в том числе – «рассуждательство, в котором отсутствует содержание, пустота которого прикрывается остроумными соображениями» [4, с. 206].

Пытаясь как-то объяснить такое странное положение дел, Г.В.Ф. Гегель в схеме строения логического выделяет два уровня присутствия диалектики: первый он назвал диалектическим, или отрицательно-разумным, а второй – спекулятивным, или положительно-разумным. И хотя в названии второго уровня вообще нет слова «диалектика», но именно в нем-то диалектика в гегелевской схеме и пребывает в своей «подлинной определенности». И получается, что тот уровень, который Г.В.Ф. Гегель назвал диалектическим, включает в себя диалектику, которая не есть диалектика в своей подлинной определенности. Ситуация очень странная: уровень мышления называется диалектическим, а диалектика в нем не подлинная, не настоящая! И столь очевидное нарушение Г.В.Ф. Гегелем законов формальной логики безусловно было вызвано непродуманностью им вопроса о том, что именно можно и нужно называть диалектикой, а что – ни в коем случае нельзя.

Одно из печальных последствий такой небрежности заключается в том, что как бы с «благословения» Г.В.Ф. Гегеля в философской литературе господствует весьма расширительное понимание того, что мож-

но называть диалектикой, и это, на мой взгляд, прямой путь к историко-философскому эклектицизму.

Так, в самом начале своей работы «Диалектический логос: становление античной диалектики» А.С. Богомоллов пишет: «Античная диалектика содержала все возможные и развернувшиеся затем в реальной двадцатипятивековой истории типы диалектики: объективной диалектики космоса и диалектики мышления; объективно применяемой диалектики мышления и диалектики, применяемой субъективно, то есть софистики и скептицизма; диалектики рациональной и диалектики мистической, возрождающей в философии способы мысли, восходящие к мифологии; положительной диалектики, видящей в противоречии импульс к движению вперед, к выработке объективной картины мира и человека, и диалектики негативной, для которой противоречие есть симптомом нереальности, видимости чреватого этим противоречием объекта понятия» [1, с. 5].

Как можно видеть, автор этой книги, в целом очень интересной и содержательной, всё перечисленное им выше называет типами, то есть разновидностями, диалектики. Мне кажется, в этом случае можно говорить о чём угодно: о предпосылках, о преддверии, об элементах, об искажениях диалектики и так далее. Однако собственно диалектикой можно называть лишь такой метод мышления, который основан на ряде необходимых и достаточных принципов. В частности, как можно называть «негативную диалектику» диалектикой, если в ней наличие противоречия не сочетается с объективностью знания?! И совсем уж недопустимо (недопустимым это считал и Г.В.Ф. Гегель) причислять к диалектике софистику.

Излишне расширительное понимание предмета диалектики способствует и разнообразию воззрений отдельных философов на то, что такое диалектика.

Часть философов полагает, что диалектика – это метод, носящий субъективный, то есть чисто социальный, а не универсальный, характер. Хотелось бы в качестве примера, а также в качестве неожиданной в своей оригинальности назвать точку зрения А.А. Ивина: «Диалектика – ядро особого,

коллективистического стиля мышления. Этот специфический стиль характерен для обществ, ставящих перед собой глобальную общую цель построения идеального общества (своего рода «рая» на небесах или «рая» на земле). Диалектика господствовала, в частности, в средневековой и коммунистической культурах. С уходом их с исторической арены она утратила свои социальные предпосылки и оказалась забытой. Современной России нет уже нужды смотреть на мир через очки диалектики. Однако с возвращением на историческую арену новой формы коллективистического общества вновь возникла бы потребность в оживлении диалектики и входящей в ее состав диалектической логики» [9].

Представители другой части философов, той, которая признаёт объективный и универсальный характер диалектики, однако в то же время признаёт и плюрализм её форм, всегда предпочитают среди этого множества форм избрать для себя какую-либо одну, кажущуюся им наиболее зрелой и «истинной». Так, например, сторонники материалистической диалектики считают подлинно истинной именно её, относя все прочие формы диалектики либо к не доросшим до этой истинной формы, либо же к умышленно искажающим её. Думаю, что именно такое деление диалектики на единственно хорошую и остальные (плохие) незримо присутствует и в названной выше работе А.С. Богомоллова, поскольку без подобной парадигмы и ему, и другим советским авторам трудно было бы предотвратить неизбежность эклектического подхода при допущении плюрализма «типов» диалектики.

Да и сам Г.В.Ф. Гегель, как можно было видеть, также допуская плюрализм диалектик, разделял диалектику на диалектику в неподлинной её определенности, то есть, можно сказать, на «так себе» диалектику и на диалектику в её подлинной определенности. И последняя, по Г.В.Ф. Гегелю, возможна лишь в сфере так называемого спекулятивного мышления (еще один неудачный термин, для большинства людей отнюдь не способствующий их уважительному отношению к диалектике).

Важно, однако, понять вот что: разбираясь в, казалось бы, чисто терминологиче-

ских погрешностях, неизбежно начинаешь понимать, что дело не только в них. За формально-логическими противоречиями любого текста очень часто, если не всегда, в качестве их причины стоят вполне определенные и вполне содержательные нестыковки и погрешности автора такого текста. В рассматриваемом случае можно видеть, что причина эта заключается в усмотрении исходного пункта возникновения диалектики не в чем ином, как в неудержимой текучести, изменчивости всего сущего («всё течет, всё меняется»). И вот парадокс: именно эта, как я выразился, погрешность и возвратилась, как бумеранг, к самому Г.В.Ф. Гегелю в форме того самого несправедливого упрека, с анализа которого я и начал свою статью, – упрека в противоречивости гегелевских метода и системы. Совсем не желая этого, Г.В.Ф. Гегель, тем не менее, сам и предоставил повод некоторым философам и логикам понять диалектику весьма примитивно – как дурную бесконечность прогресса.

На самом же деле вовсе не текучесть является исходным пунктом возникновения диалектики как метода. Абсолютная текучесть – это исходный пункт лишь такой «так себе» диалектики, как скептицизм.

Снисходительность Г.В.Ф. Гегеля к скептицизму порождает и другое ошибочное мнение: там, где имеется хоть какое-нибудь противоречие, там якобы уже существует и диалектика. Так, например, когда как само собою разумеющееся пишут: «*Диалектика – это искусство рассуждать, вести спор, противопоставляя друг другу противоположные мнения*» (А.А. Ивин), то при этом либо забывают, либо вообще отрицают очень важное обстоятельство: для подлинного диалектика главной целью является не сам спор и не само умение рассуждать, для него рассуждения и спор – это лишь средство за столкновением противоположных мнений увидеть и выразить то, что мы называем объективной диалектикой, в частности отношения диалектического тождества между реально противоположными вещами и явлениями.

Итак, начало, исходный пункт диалектики – не текучесть и даже не развитие. И не наличие спора и противоположных мнений. Диалектика начинается с провозглашения

Фалесом оказавшейся удивительной, по выражению М. Хайдеггера, для древних греков истины: «одно есть всё». Позже Гераклит эту провозглашенную Фалесом истину предельно расширил и обьективировал, заявив, что не только архэ тождественно со всем тем, что оно порождает, но и всё на свете является таким же тождеством противоположных вещей или свойств. Это удивительное и универсальное свойство бытия отметили также китайские мыслители своим учением о Ян и Инь.

Выражение «*тождество противоположностей*» говорит не об их абстрактной одинаковости, а об их «равноправии» (одинаковой важности) внутри системы. И поскольку это – тождество *противоположностей*, оно постоянно обременено особым видом *противоречия*, требующего своего постоянного разрешения как усилиями каждой из противоположностей, так и усилиями всей системы, выполняющей по отношению к ним роль субстанции.

Итак, Г.В.Ф. Гегель, конечно, сделал большой шаг, отойдя от того, чтобы традиционную «чисто рассудочную» логику называть диалектикой (как это делал еще Р. Декарт), тем не менее, продолжая причислять к диалектике скептический способ мышления, он тем самым дал повод противникам диалектического способа мышления противопоставлять диалектику рассудку, тогда как на самом деле тот является ее неотъемлемым моментом. И это, как известно, привело к совершенно необоснованному и пагубному для развития философии противостоянию, взаимной вражде сторонников диалектической и сторонников формальной логики.

Итак, в процессе классификации моментов логического следует весьма осторожно пользоваться терминами «абстрактное и конкретное». Прежде всего, эти термины не могут применяться в качестве характеристик, различающих рассудок и скепсис. Различающие (и в то же время дополняющие друг друга) характеристики следует здесь видеть, несомненно, в другом: это момент *устойчивости-полагания*, и момент *изменчивости-отрицания* (можно их назвать и иначе: момент определения, то есть полагания и удержания пределов, и момент прехождения или разру-

шения, то есть отрицания пределов). Причем эти моменты должны пониматься не только как логические, но и как исторические предпосылки разумного мышления, возникшего вместе с появлением и становлением философии.

Появившись на свет Божий, человеческий разум как высшая форма мышления включил в себя рассудок и скепсис в качестве своих абсолютно равноправных моментов, в качестве тождества противоположностей. Поэтому, во-первых, слова «негативный» и «позитивный», применяемые Г.В.Ф. Гегелем по отношению к разуму, абсолютно излишни. А во-вторых, только разумное мышление, возникновение которого (хочу еще раз подчеркнуть это) совпадает с историческим началом философии, является подлинно диалектическим мышлением, а значит, «разумное» и «диалектическое» – это синонимы.

Итак, разум – это диалектический синтез, конкретное единство одинаково абстрактных своих моментов: устойчивости (тезис) и изменчивости (антитезис). Г.В.Ф. Гегель же почему-то явное предпочтение отдает антитезису, именуя его «диалектическим или отрицательно-разумным». Диалектика, таким образом, противопоставляется рассудку, который на самом деле является ее (диалектики) собственным неотъемлемым моментом. Налицо повод запутать философа (а не-философа – тем более). Поэтому гегелевскую схему структуры логического, состоящей из трех моментов (абстрактный, или рассудочный; диалектический, или отрицательно-разумный; спекулятивный, или положительно-разумный) *считаю совершенно необходимым конкретизировать* таким образом:

1) **тезис:** абстрактный рассудок (абстрактное полагание);

2) **антитезис:** абстрактный скепсис (абстрактное отрицание);

3) **синтез:** разум, или диалектический способ мышления, как конкретное единство разумного рассудка и разумного скепсиса.

Разумеется, рассудок должен быть признан в качестве неадекватного, абстрактного исторического начала диалектического мышления, то есть в качестве того, без чего оно (диалектическое мышление) не могло бы возникнуть. Ведь не надо за-

бывать, что рассудительность, прочная определенность мышления, позволяющая человеку увидеть вещь такой, какая она есть на самом деле (камень – это камень и ничего более), пришла на смену принципу «всеобщего оборотничества» [10, с. 12–13] присущего мышлению мифологическому (камень может быть чем угодно, в том числе, например, и демоном).

Поэтому, будучи абстрактным по отношению к разуму, рассудок, исторически существовавший уже до появления разума, придал (и сейчас придает) значительно большую конкретность человеческому мышлению, сделав его рациональным. Поэтому абстрактность и конкретность его относительна, а не абсолютна. Он абстрактен по отношению к разуму, однако будучи взятым изолированно от последнего. Однако он конкретен по отношению к мифологическому сознанию. И он также конкретен в составе разума как «разумный рассудок». И поэтому не следует «приклеивать» к рассудку, даже взятому до и вне разума, ярлык вечной абстрактности, которая на самом деле была для него лишь исторически вынужденной. И особенно несправедливо его деятельности абстрактного определения противопоставлять не менее абстрактное, свойственное скептицизму отрицание определенности и прочности как якобы нечто более высокого. Рассудок удерживает принятое определение потому, что в этом заключается его функция – «держаться устойчивого». Приходит время, и будучи уже в составе разума (диалектического мышления), он продолжает делать то самое, но уже понимая и принимая во внимание то, что удерживаемое им определение само исторически изменяется, оставляя, однако, при этом в неприкосновенности свою исходную сущность.

Литература

1. Богомолов А.С. Диалектический логос: становление античной диалектики / А.С. Богомолов. – М. : Мысль, 1982. – 263 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970– . – Т. 1. – 1970. – 549 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1972– . – Т. 3. – 1972. – 672 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1974– . – Т. 1. – 1974. – 452 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1999. – 448 с.

6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 260 с.

7. Ивакин А.А. Диалектика в ее конкретном понимании / А.А. Ивакин // Аль-Фараби: философско-политологический и духовно-познавательный журнал. – Алматы, 2012. – № 4(40). – С. 105–120.

8. Ивакин О.А. Повернути діалектиці її істинний зміст / О.А. Ивакин // Мультиверсум: філософський альманах / гол. ред. В.В. Лях. – Вип. 7(95). – 2010. – С. 3–15.

9. Ивин А.А. Что такое диалектика : [монография] / А.А. Ивин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alex-ivin.livejournal.com/369.html>.

10. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М. : Учпедгиз, 1957. – 620 с.

11. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1955–1966. – Т. 21. – 1960. – 340 с.

Аннотация

Ивакин А. А. К критике гегелевского определения диалектики. – Статья.

Автор статьи показывает, что Г.В.Ф. Гегель в своей философии создает описание системы Бытия, которая одновременно является и самотождественной, и саморазвивающейся. Таким образом, упреки в адрес Г.В.Ф. Гегеля о противоречивости его метода и его системы не имеют достаточного основания. К сожалению, при определении места диалектики в структуре логического Г.В.Ф. Гегель допускает слишком расширительное понимание диалектики, а также терминологически путаное соотношение ее с рассудком и разумом. И это в немалой степени способствует господству в философской литературе плюрализма и субъективизма в понимании диалектики. Автор статьи предлагает свою корректировку гегелевской схемы структуры логического на основе закона отрицания отрицания.

Ключевые слова: диалектика, рассудок, разум, скептицизм, абстрактный, конкретный, система, метод, тождество, сущность, плюрализм, противоположность, противоречие.

Анотація

Ивакин О. А. До критики гегелівського визначення діалектики. – Стаття.

Автор статті показує, що Г.В.Ф. Гегель у своїй філософії створює опис системи Буття, яка одночасно є і самототожною, і такою, що саморозвивається. Таким чином, закиди на адресу Г.В.Ф. Гегеля про суперечливість його методу та його системи не мають достатньої підстави. На жаль, під час визначення місця діалектики в структурі логічного Г.В.Ф. Гегель допускає занадто розширювальне розуміння діалектики, а також термінологічно плутане співвідношення її з глуздом і розумом. І це значною мірою сприяє пануванню у філософській літературі плюралізму й суб'єктивізму в розумінні діалектики. Автор статті пропонує своє коригування гегелівської схеми структури логічного на основі закону заперечення заперечення.

Ключові слова: диалектика, глузд, розум, скептицизм, абстрактний, конкретний, система, метод, тотожність, сутність, плюралізм, протилежність, суперечність.

Summary

Ivakin A. A. The critique of Hegel's definition of dialectic. – Article.

The author shows that Hegel in his philosophy creates description of Existence, which is both self-identical and self-sustaining. Thus, the criticism of inconsistency of Hegel's method and system does not have sufficient reason. Unfortunately, determining the place of the dialectic in structure of logic, Hegel affords too expanded understanding of dialectic and confuses terminology relationship of dialectics with reason and mind. This significantly contributes to the dominance of pluralism and subjectivism in the understanding of dialectics in philosophical literature. The author offers his adjustment to the Hegel's structure of logic based on the law of negation of negation.

Key words: dialectic, reason, mind, skepticism, abstract, concrete, system, method, identity, essence, pluralism, opposite, contradiction.